

Новожинов В.А. К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины 3 тысячелетия до н.э. // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Костанай; Алматы, 2015.

Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М., 2012.

Окладников А.П. Первобытное искусство // БСЭ. М., 1975. Т. 19 (3-е изд.).

Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н. Курган Разлив-Х – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Савинов Д.Г. Стратиграфия окуневского искусства // Искусство бронзового века. Новосибирск; Берлин, 2015.

Самашев З. Изобразительная деятельность в бронзовом веке (к изучению проблемы в контексте культурогенеза) // Проблемы и достижения отечественной археологии и этнологии в XXI столетии. Алматы, 2012.

Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Западносибирского региона (эпоха бронзы) // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск, 1987.

Студзицкая С.В. Специфические черты мелкой пластики окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Суразаков А.С., Ларин О.В. К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994.

Molodin V.I. Scepters of the developed Early Bronze Age in the South of Western Siberia // The Bronze Age Art. Novosibirsk; Berlin, 2015.

УДК 903.27(517)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.47

Ю.И. Ожередов

Институт исследования Монгольского Алтая, Томск, Россия

«ОЛЕННЫЙ» КАМЕНЬ С ЦИРКУЛЬНЫМ ОРНАМЕНТОМ» ИЗ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Целью настоящего сообщения является введение в научный оборот уникального статуарного памятника, изученного международной российско-монгольской археологической экспедицией в сомоне Ховд Ховдского аймака Западной Монголии. «Оленный» камень, установленный у херексура на вершине перевала Давдаг-Кутул, на сегодняшний день является единственным изваянием данного типа, широкие грани которого целиком «записаны» циркульным (кружковым) орнаментом. Многочисленные вещественные и литературные источники доказывают, что данный мотив имеет широчайшую популярность от эпохи камня до Нового времени. При этом географический диапазон бытования охватывает не только культуры и народы Евразии, но захватывает часть племен Африки, Северной и Южной Америки. В части семантического восприятия орнамента в разных культурах мнения специалистов разделились и пока не находят единства. Существует несколько несходных точек зрения, объединяющихся лишь убеждением в сакральном значении этого орнамента, его магических способностях и сверхъестественных свойствах. Насколько уникальное оформление может явиться причиной для выделения новой дефиниции в типологической линейке «оленных» камней, покажут время и новые находки.

Ключевые слова: оленный камень, циркульный орнамент, Западная Монголия

В 2009 г. международной экспедицией Томского и Ховдского университетов в северной зоне сомона Ховд Ховдского аймака был изучен комплекс разноплановых археологических объектов, расположившихся на вершине перевала Давдаг-Кутул, одного из пунктов перехода через локальный горный хребет, вытянувшийся в меридиональном

направлении параллельно главному хребту Монгольского Алтая [Ожередов, Мунхбаяр, 2010]. Высота перевала над уровнем мирового океана достигает, по показаниям GPS-приемника, 2746–2750 м. Высокогорные перевалы Монгольского Алтая уже в древности становились местами сакрального осмысления. Помимо сооружения на них обо, служивших местом обитания духа хозяина перевала, на их поверхности возводились объекты поминального назначения. Одним из таковых природных объектов является Давдаг-Кутул на котором памятники дислоцированы по сторонам от древнего караванного пути.

Археологический комплекс включает два типологически разных херексура (каменные насыпи с оградой и без таковой) и наскальный петроглифический памятник,

Рис. 1. «Олений» камень с циркульным орнаментом» на перевале Давдаг-Кутул. Левая плоскость

расположившийся на скальном выступе (скале) к юго-западу от насыпей. Херексур с оградой сопровождают четыре поминальные выкладки в форме кольца и 11 «оленных» камней, что по классификации Д.Г. Савинова относит данный памятник к разряду «крупных оленных комплексов», выделяемых по наличию «до 10 и более камней» [Савинов, 1994, с. 29]. На вершинах обеих насыпей возведены действующие сакральные сооружения, различающиеся по своему устройству и назначению.

Изваяние располагается в вертикальном положении в кольце ограды большого херексура, предположительно там, где его установили изначально (рис. 1, 2). Серо-каменная стена имеет легкий изгиб саблевидной формы и небольшое сужение кверху

Рис. 2. «Олений» камень с циркульным орнаментом» на перевале Давдаг-Кутул. Правая плоскость

(снизу вверх – 32–25–18 см). Высота фигуры над современной дневной поверхностью в разных точках колеблется в пределах 99–100 см. Толщина прямоугольного в поперечном сечении изваяния выдержана в рамках 20 см.

Обе широкие плоскости полностью заняты композициями из циркульного (кружкового) орнамента. На одной из сторон выстроено в два ряда 18 колец с крупной точкой в центре, на противоположной – примерно по такой же схеме выбито 14 четких колец и пара слабо различимых колец в нижней зоне. На первой из сторон, помимо названных, отмечено маленькое колечко без точки, выбивающееся из общего ряда графики. Другой необъяснимой пока особенностью начертания колец является неодинаковая толщина линий. На одной из плоскостей кольца выбиты с заметно более широким ободком, чем на противоположной стороне.

Под вершиной с обеих сторон имеются дефектные зоны, образованные крупными сколами. На одной из них нанесено три хорошо различимых кольца. На противоположной стороне ситуация в дефектной зоне не столь прозрачна: обрез камня захватывает фрагменты трех колец, дужки которых выглядят, возможно, как восстановленные по обломившейся поверхности. Кроме того, имеются как будто слабые следы от трех других колец, не пробитых в чистовой вариант. Для внесения полной ясности требуется изъятие стелы из грунта и дополнительное изучение поверхностей.

Размеры колец одной из плоскостей варьируются от 8 до 18 см, другой – от 6 до 13 см. При этом контуры колец первой из сторон почти в два раза шире, чем у колец противоположной плоскости. Между собой кольца не соприкасаются, но прослеживается некоторая закономерность в их расположении: кольца выбиты в два вертикальных ряда по долевым направлениям, при этом наиболее крупные образцы находятся преимущественно в центре и внизу, выше располагаются более миниатюрные. При наличии этих условных структур имеются случаи хаотичного заполнения пространства между крупными экземплярами более мелкими.

Вероятно, плотность заполнения поверхностей имела какое-то символическое значение, содержание которого теперь не ясно. Как уже было сказано, «оленный» камень, «записанный» по двум плоскостям циркульным орнаментом, – явление совершенно неординарное. В сложившейся научной практике кольца и диски, выбитые на подобных изваяниях, имеют вполне объяснимую унитарную или функциональную коннотацию. Считается, что они изображают серьги, а диски символизируют зеркала [Дэвлет, 2004, с. 23]. В данном случае семантика циркульного мотива явно выходит за пределы данного осмысления. Как выходит и за пределы отдельно взятого региона, будь то Монголия, Сибирь или другие примыкающие к ним территории.

О давности циркульного орнамента (кружкового) в Индии свидетельствуют находки с территории древнейших государств Махенджо-Даро и Хараппы. По сведениям ряда авторов костяные гребни и украшения для волос изобилуют здесь орнаментами, состоящими из разновеликих простых и концентрических кружков и кружочков. Примечательно, что датируемые в диапазоне от 2500 г. до н.э. до 1500 г. н.э. [Маккей, 1951, табл. XXIV.-1], они практически синхронны нижней дате бытования «оленных» камней на северных, степных территориях. Сходная в хронологическом и смысловом отношениях ситуация наблюдается в древностях Египта, где кольцами украшена статуя Рамзеса II, на памятниках Ассирии (рельефы Ниневийского дворца), Трои и Микен [Флоринский, 1896, с. 175–177], а также Ирана, Кавказа и Средней Азии. На иран-

ской территории обнаружена группа женских фигурок из кости, почти сплошь занятых мелкими кружками с точкой в центре. Ими обозначены волосы, глаза, рот, ожерелья, головные уборы и другие детали туалета [Иванов, 1963, с. 469].

Большое число изделий с циркульным орнаментом известно в археологии и этнографии Сибири. Под Иркутском находки такого рода располагались под насыпями вместе с орудиями каменного века, в захоронениях китойской культуры [Окладников, 1950, рис. 121; Голан, 1994, с.18]. Множество подобных артефактов обнаружено в карасукских памятниках Минусы, в могильнике Кудыргэ на Алтае, в Западной Сибири [Шнейдер, Грязнов, 1929, табл. I, IV и др.; Теплоухов, 1927, рис. 17.-3, 7; Флоринский, 1896, с. 176–177]. Многочисленные примеры использования кружкового и циркульного мотива обнаруживаются в средневековой Европе и на территории России [Иванов, 1963, с. 470–472]. Сибирская этнография хранит столь многочисленный пласт артефактов, украшенных кружковым орнаментом, что одно их перечисление займет здесь неоправданно много места. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в фундаментальное исследование С.В. Иванова [1963, с. 464–469], скрупулезно собравшего обширные сведения по данной теме.

Стремление раскрыть семантику циркульного мотива имеет уже довольно долгую историю. В ряду многочисленных авторов, в разной мере касавшихся данной темы, упомянем лишь некоторых, на наш взгляд, отразивших в своих работах основные тенденции осмысления этого вопроса. Яркое по форме и максимально насыщенное источниками исследование по данной теме проведено С.В. Ивановым [1963, с. 464–473], который, опираясь преимущественно на этнографические свидетельства и привлекая разнообразные археологические примеры, дает достаточно полное представление о хронологическом, географическом, этнокультурном и семантическом наполнении темы. Касаясь последнего, автор склоняется к лунно-солярной символике, с которой коннотируется антропоморфный символизм солнечного или лунного глаза (очи неба). В аргументацию данной позиции приводятся примеры из воззрений северных и южно-сибирских этносов, почитавших кружок с точкой в качестве символа солнца, иногда и луны. Данное отождествление коснулось бурят, хакасов, якутов, а на севере Западной Сибири к ним присоединились финно-угры ханты и манси, самодийцы ненцы, на Дальнем Востоке – нанайцы, а на северо-востоке Сибири – коряки [Иванов, 1963, с. 466].

В контексте культурно-хронологического сближения интерес представляют работы А.Д. Грача [1966, с. 28–32; 1980, с. 65–66], в которых для решения проблемы «культурных представлений» носителей саглынской культуры пристальное внимание уделено смысловой дешифровке циркульного орнамента. Автором был обобщен широкий круг аналогий и сделан вывод о том, что мотив круга с центральной точкой является древним солярным символом. Также, по его мнению, он стал знаком огня и идеи вращения, в том числе «огневого» прибора, находка которого инициировала исследования ученого в данном направлении [Грач, 1980, с. 66].

Несколько по-иному трактовали кружок с точкой или без таковой участницы индийской секты Сава, приверженцы культа бога плодovitости Махадео, воплощенного Шивы. Его именем они называли фигуру в виде концентрических кружков, почитавшуюся в качестве символа производительных сил природы. Такие кружки они рисуют мелом на камнях во время свадебной церемонии. Сходной позиции, но с другим акцентом придерживаются два европейских исследователя. По мнению А. Голана, приписы-

ваемая данному знаку солярная семантика не находит аргументированных оснований. Вместе с тем она, на его взгляд, имеет сближение с культом неба, манифестируя собой Великую богиню неба [Голан, 1994, с. 13, 18, 19 и др.]. Сходным образом, в качестве символов Богини, трактует кольца М. Гимбутас, соотносившая их с женским детородным органом. Акцентируя внимание на данной символике, автор указывает на знак, очень близкий обнаруженным на «оленном» камне, – «в виде семени, как точку в центре замкнутого пространства» [Гимбутас, 2006, с. 326, 244, рис. 7.-118, 119, 120].

Убедительным подтверждением верности сопоставления циркульного орнамента с женским образом стало изученное нами изображение на сланцевой пластинке из Горного Алтая, относящееся к этнографическому времени. Точно так же, как рисунок из неолитической гробницы Ле-Пьер-Плат, Локмарьякер, Бретань [Гимбутас, 2006, с. 326, рис. 7.-118], данная находка демонстрирует женскую фигуру в одеянии, украшенном 66 кружками [Ожередов, Ожередова, 2015, с. 243, рис. 1–3].

Что касается Монголии, то циркульный мотив вновь становится популярен в ней, далеко шагнув от эпохи бронзы и РЖВ с их «оленными» камнями в развитое и начало позднего Средневековья. Как выяснилось в ходе стационарных исследований, резные кружки украсили целый ряд костяных предметов, найденных при раскопках столицы Чингисхана г. Каракорум [Pohl, 2010, fig. 10b, e, f] и тыльную сторону монгольских по происхождению (подобных китайским) бронзовых зеркал велико-золотоордынского времени (кон. XIII – XIV в.). Зеркала наполнены конской символикой, в контексте которой кольца с точками ассоциируются с отпечатками копыт солнечного коня или подковами [Тишкин, Ожередов, 2010, с. 108, 111, рис. 1, 2; Ожередов, 2010, с. 144–147].

«Оленные» камни Монголии в настоящее время представляют достаточно большой и неплохо изученный пласт вещественных источников, обладающих собственной классификацией и типологией, основанной на вполне понятных и общепризнанных формальных признаках [Савинов, 1994, с. 6]. Однако образец, выявленный на перевале Давдаг-Кутул, определенно внес в этот порядок некоторое смятение и замешательство. Являясь по формальным показателям «оленным» камнем, он остается единичным, а потому типологически «бесхозным» образцом, который практически не вписывается в контекст существующей классификации памятников данного типа. Но с учетом современных взглядов у него еще есть шанс в нее попасть. В свое время Д.Г. Савинов заметил, что понятие «оленные» камни весьма условно и в формальном воплощении варьируется от изначального наименования стел с реальными изображениями оленей к историко-культурной дефиниции, объединяющей группу фигурально переменных памятников с единством внутреннего содержания [Савинов, 1994, с. 6].

Принимая данный тезис в контексте сложившейся ситуации, следует, видимо, признать, с определенной долей осторожности, тот факт, что на территории Монголии выявлен новый декоративный вариант стелы с условным наименованием – «оленный камень с циркульным орнаментом».

Насколько изученный образец способен стать определяющим для нового типа в ряду уже трех существующих, покажет время и новые находки с аналогичным оформлением. Когда это случится или не случится вовсе, загадывать сложно. Еще не так давно наука не знала Давдаг-Кутула и пребывала в спокойной уверенности, что про «оленные» камни ей известно уж если не все, то наверняка преимущественно много. Однако новые находки каждый раз предлагают расширить горизонт современных знаний.

Библиографический список

- Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006.
- Голан А. Миф и символ. Иерусалим, М., 1994.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грач А.Д. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // КСИА. М., 1966. Вып. 107.
- Дэвлет М.А. Изображения серег на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.; Л., 1963.
- Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
- Ожередов Ю.И. Семантика изображений на одном средневековом зеркале из Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010.
- Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч. Археологический комплекс на перевале Давдаг-Кутул в Западной Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IV. Барнаул, 2010.
- Ожередов Ю.И., Ожередова А.Ю. Гравированная «кукла» из Горного Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск, 2015.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М., 1950 (МИА. №18).
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ. Т. III, вып. 2. 1927.
- Тишкин А.А., Ожередов Ю.И. Металлическое зеркало золотоордынского времени из фондов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Научный Татарстан: Гуманитарные науки. 2010. №4.
- Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1896. Кн. IX, ч. II, вып. I.
- Шнейдер Е.Р., Грязнов М.П. Древние памятники Минусинских степей. МЭ. Т. IV, вып. 2. 1929.
- Pohl Ernst. KAR-2, Catalogue of Artefacts I: Processed Bones (with Faunal Analysis by Angela von den Driesch and Joris Peters // Mongolian – German – Karakorum expedition. Wiesbaden, 2010.

УДК 903.27(571.54/.55)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.48

А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия

СРЕДНЕВЕКОВАЯ «ЛАКУНА» В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЯ

В статье отмечается отсутствие в Западном Забайкалье памятников наскального искусства хуннского времени и крайняя редкость объектов средневековой эпохи. Обосновывается невозможность объяснения этого факта слабой изученностью региона в отношении наскального искусства. Причины такой необычной ситуации на фоне центральноазиатского и южносибирского регионов, где хорошо известны петроглифы указанных эпох, объясняются исходя из особенностей культурно-исторических и этнокультурных процессов в регионе западнозабайкальских степей на протяжении бронзового, раннего железного веков, хуннского и средневекового времени. Антропологическая преемственность хуннского населения региона от носителей культуры плиточных могил, а затем от хунну к населению средневековой раннемонгольской культуры может указывать на сохранение этнической основы на протяжении этих эпох. С продолжением этнической преемственности могла сохраняться преемственность от поколения к поколению в почитании родовых святынь, основанных в эпоху бронзы, составной частью которых являлись петроглифы селенгинского типа.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы селенгинского типа, эпоха Средневековья, преемственность, этнокультурные процессы

Южное Забайкалье является одним из регионов Северной и Центральной Азии, в котором с глубокой древности развивалось самобытное направление наскального искусства. Одной из его особенностей является техника нанесения рисунков на скаль-